

мас. 1542

с. 3.

„ЧАЙКА“.

Я порядком запоздалъ съ отчетомъ о «Чайкѣ». Но кто теперь не платитъ дань баццаламъ и гнилой погодѣ? А инфлуэнца и лихорадка—плохія союзницы, и когда въ головѣ шумъ отъ хны,—не до рецензентскихъ обязанностей... И потомъ, мнѣ хотѣлось, чтобы лучше разобраться во впечатлѣніяхъ и провѣрить дѣй—три мысли общаго характера, мелькнувшія у меня на спектакль, посмотрѣть пьесу Чехова еще разъ. Сдѣлать это было тѣмъ удобнѣе, что второй спектакль былъ назначенъ на слѣдующій-же вечеръ. Но всевластная теперь инфлуэнца постигалась надъ «Чайкой» и ломала спектакль за спектаклемъ. Съ пятницы его перенесли на воскресенье, съ воскресенья отодвинули на средину рождественной недѣли. Ждать больше не приходится, надо взяться за перо...

Вы знаете уже, что спектакль имѣлъ очень шумный успѣхъ—и пьеса, и исполненіе. Въ интересующихся театральными дѣлами кругахъ только и разговоровъ, что о «Чайкѣ». Спорятъ, горячатся, обрушаются, что такъ долго ждать слѣдующаго спектакля. Давно уже современная пьеса не возбуждала такого живого интереса. Да, «Художественно общедоступный» театръ одержалъ крупную побѣду. И, думается мнѣ, она сыграетъ важную роль въ судьбѣ этого молодого, еще не успѣвшего прочно стать на ноги театра; она укрепитъ за нимъ репутацію художественнаго учрежденія, у котораго—серьезныя задачи и всѣ средства удачно ихъ осуществлять. Многія невыгодныя для предпріятія гг. Непровыча-Данченко и Станиславскаго мнѣнія и догадки должны

Предубѣжденія, конечно, не въ счетъ. Они останутся, потому-что они именно предубѣжденія, предвзятый отрицательный взглядъ, продиктованный всякими «посторонними обстоятельствами» и со злорадною жадностью высматривавшій себя подтвержденія въ первыхъ шагахъ театра-новичка. А когда подтвержденій въ достаточномъ количествѣ не оказывалось, пускались и на передержки и очень развязно называли блѣое чернымъ. Такихъ безпристрастныхъ дѣятелей и судій и «Чайка» ни въ чемъ не разубѣдитъ. Быть можетъ,—только окрылитъ на новый подвиги. Рѣчь не объ нихъ.

Но и люди безъ пристрастія и даже симпатизирующие новому начинанію смущались опасеніемъ, не принижае-ли этотъ театръ рубить дерево не по плечу. Взялся онъ за гушъ,—какъ бы скоро не заговорилъ, что не дѣлать... Смущало главнымъ образомъ то, что вниманіе театра слишкомъ ужъ сосредоточивается на об-

становкѣ, на декоративныхъ деталяхъ. Но потому-ли, что собственно-артистическія силы театра совсѣмъ слабыя, и нужно это скрыть роскошью и эффектною оригинальностью декораций, бутафорій, костюмовъ, шумомъ и пестротой массовыхъ сценъ? «Федора»-то вы сыграли, спрятавшись за выигрышную пьесу и дорогую обстановку; а вотъ попробуйте-ка сыграть что-нибудь попроще, будничное, въ сюртучкахъ! Охъ, сомнительно...

«Чайка» весьма убѣдительно отбѣтила на эти вопросы и показала, что охали и сомнѣвались напрасно. Въ этой незначительной пьесѣ Антона Чехова, которой принадлежитъ весьма почетное мѣсто среди всего нѣмъ написаннаго,—роль обстановки очень скромная. Никакъ не больше, чѣмъ въ любой бытовой, «бытовщической» пьесѣ. Тутъ ни роскоши, ни оригинальничаньемъ ничего не возмешь, не обманешь зрителя. Сама написанная очень и очень тонко, отрицающая всякій вышній эффектъ, безъ намека на что-либо крикливое, меньше всего натуралистическая и больше всего реалистическая, пьеса эта требуетъ и исполненія тонко-художественнаго и глубоко-правдиваго. Всякая фальшь и фальсификація, со стороны-ли актеровъ или режиссера сейчасъ же выдастъ себя головою, и пьеса будетъ погублена. Потому-что никакая вышняя занимательность не можетъ спасти произведенія, вся сила котораго—въ полной жизненной правдѣ да въ поразительной прочувствованности.

Или для кого не тайна, что въ Петербургѣ, даже при участіи очень опытныхъ актеровъ, «Чайка» жестоко провалилась. Не только публика, но и тѣ, что судили ее печатно, не поняли ея и вынесли ей беспощадный приговоръ. Пьеса, которую вправѣ гордится современный русскій театръ, рядомъ съ которою большинство текущихъ новинъ кажутся такими наивными и грубыми подѣлками кустарной работы, была быстро вычеркнута изъ репертуара и съ зогливымъ сердцемъ сдана въ архивъ, какъ какое-то недоразумѣіе, какъ глупъ разъ крупнаго таланта. Благо примѣры изъ исторіи литературы подтверждали, что это случается, что грѣхъ да бѣда на кого изъ талантливыхъ людей не ляжетъ... Теперь, послѣ шумнаго успѣха «Чайки» у насъ, можно смѣло сказать, что Антонъ Чеховъ понесъ наказаніе исключительно за чужую вину. Исполнители, взявшіеся за дѣло не съ нужнаго конца, не сумѣвшіе забыть рутинныя приемы, вѣтшуюся сценическую пошлость и въ пьесѣ, гдѣ все свѣжо и все по-своему (какъ, впрочемъ, въ каждомъ истинномъ произведеніи искусства), разбили вдребезги это

тонкое, хрупкое создание... Московский театр должен был обладать очень большою смелостью, чтобы послать такого страшного прецедента рисковать поставить «Чайку». Он оказался правъ въ своей смелости,—и онъ опровергъ всѣ догадки, насчетъ своей неспособности справиться съ дѣломъ безъ усиленной помощи декораторовъ и костюмеровъ и, вмѣстѣ «реабилитировалъ» пьесу въ глазахъ большинства, для котораго петербургскій про-

Навонецъ, даже и тѣмъ, кто признавалъ эту скорбную драму, неслышную беззвучную песенникомъ съ орлиными глазами, отъ которыхъ не скрывается никакая изъ нашей жизни, кто цѣнилъ ея содержание и ея настроеніе, властно себя подчиняющее,—спектакль «Художественно-общедоступнаго театра раскрылъ въ ней новыя стороны и сдѣлалъ до чрезвычайности яснымъ то, что при чтеніи казалось туманнымъ, и доказалъ полную ея сценичность. Пьеса отъ сценическаго воспроизведенія не теряетъ, напротивъ—выигрываетъ и въ красотѣ, и въ ясности; зрительная зала, при всей пестротѣ своего состава, смотритъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ, и не отвѣщая она ни одного безучастнымъ и равнодушнымъ. Какъ откажете вы такой пьесѣ въ сценичности? Да, это не совсемъ та сценичность, что во «Второй молодости» или «Madame Sans-Gêne», но та, въ которой не отказываютъ драмѣ

Шекспира и комедіи Бомарше или нашего Островскаго...

Минусомъ было уже отмѣчено и я очень настаиваю на этомъ, что «Чайка» — пьеса въ полной мѣрѣ реалистическая и совершенно «понятная», въ которой все ясно, просто и логично, насколько проста и логична сама жизнь. Подчеркиваю это потому, что не разъ заявлялось, что болѣе ужъ непонятна пьеса «Темна вода во облацѣхъ», отзывавшихся некоторые, читавшіе «Чайку», когда ее напечатала «Русская Мысль», и даже догадывались, будто темнота эта—умышленная, наущена въ какихъ-то, чуть что не декадентскихъ видахъ, чтобы именно этимъ туманомъ поддѣлывать на фантазію и чувство доверчиваго читателя или зрителя. Выходило, словомъ, такъ, что въ «Чайкѣ» сумбуръ, можетъ быть — и талантливый, но сумбуръ, вродѣ пьесы Метерлинка или вотъ той треплевской пьесы-монолога, что играетъ Зарѣчная въ первомъ актѣ чеховской драмы. Какая жестокая клевета на это прекрасное произведеніе, альфа и омега которой—правда, и, во всякомъ случаѣ, какое смѣшное недоразумѣніе! И вѣновать ли авторъ,

что мы за послѣднія 10—15 лѣтъ такъ отвыкли отъ пьесъ съ сильнымъ настроеніемъ и смѣлымъ отношеніемъ къ явленіямъ дѣйствительности, что готовы увидать тутъ какое-то декадентское, болѣзненное ухищреніе...

Въ «Чайкѣ» чуть не десятковъ лицъ, и каждое живетъ, каждое тѣдно, у каждого—свой складъ и чувства, и мысли, и рѣчи. Они природою или случаемъ соединены вмѣстѣ, приходятъ въ различные столкновенья, и столкновенья эти, сами по себѣ высока типичныя для нашей современности, помогаютъ имъ раскрыть предъ зрителемъ всю свою суть, показать, чѣмъ они живы. И взгляните вы на нихъ попросту, съ той точки, съ которой смотрите и на самую жизнь, и на художественныя ея воспроизведенія,—и все вамъ будетъ такъ понятно и въ этихъ людяхъ, и въ этихъ столкновеньяхъ, слагающихъ нехитрую фабулу драмы, и въ той обстановкѣ, въ какой все это совершается, въ какой чеховскіе хирургическіе герои бьются сами, бьются другъ друга. Да, почти все это—люди водтреснутые, съ надрывомъ и надрывомъ, но тутъ вина ужъ не художественной вины, а лишь живого оригинала,—потому что гдѣ же вы найдете теперь, въ средѣ, въ которой день не дѣлится лишь на трудовыя удражанія, людей бѣдныхъ, цѣльныхъ, которые всегда ясно знаютъ, чего хотятъ, вѣдутъ прямо, не сбиваясь въ стороны?.. Да, въ ихъ взаимоотношеніяхъ и столкновеньяхъ много дѣлаго, тяжелаго, болѣзненнаго; впрочемъ—совсѣмъ не безразличное воздѣйствіе, не пахнутъ розами и ванилью. Всѣмъ скучно, всѣмъ что-то тягостно, у всѣхъ на душѣ мутно-мутно; и не знаютъ они, какъ изъбѣть тоску, какъ быть съ этою мутью, къ чему себя получить пристроить. Жестокость помножается на жестокость, ложь на ложь, и ходятъ всѣ кругомъ, точно слѣпые, лишь увеличивая сумму общихъ страданій, въ какомъ-то безразличіи дѣлая Бога звать что. Ну что-жъ, вѣрите и за это автору, если не кажется, что онъ только глубоко воспринялъ и со жгучею болью переработалъ впечатлѣнія отъ дѣйствительности, позабывшей, что весь смыслъ жизни и первое условіе ея разумности и стройности—въ томъ, чтобы какъ можно меньше брать отъ людей, а главное—какъ можно больше давать себя, какъ говорить «Петрайтъ-мудрецъ», лишь на-дняхъ поздравленный Львомъ Толстымъ въ «Вступленіи къ исторіи матерей»...

Если столько несуразнаго въ «Чайкѣ», то только потому, что болѣе ужъ много несуразнаго въ жизни; если что непонятно, то не пьеса, а только,—какъ это люди могли такъ запутаться, заблудиться въ жизни. И если, наконецъ, тяжело смотрѣть «Чайку», то только потому, что тяжело жить. Должны огорчаться. Тяжело смотрѣть,—и все таки большое наслажденіе. Въ этомъ—столько разъ разрѣшавшаяся и все-таки неразрѣшенная тайна искусства, съ которою еще такъ

мучительно бился Аристотель и сочинял хитрую теорию *katastasis'a*, а на нее сотни историков построили цѣлыя вавилонскія башни тонкихъ комментариевъ. Искусство воспроизводить то, что изъ жизни удручаетъ, гнететъ, даже посторонняго свидѣтеля повергаетъ въ ужасъ и отчаяніе; и тѣмъ произведение искусства выше, чѣмъ ярче ея краски, — а мы, платя дань ужасу и содроганію, испытываемъ и высшее наслажденіе... Тотъ, кто говоритъ, что ушелъ съ спектакля «Чайка» только утрученный, поднимая съ сценнаго приговору искусству вообще, потому что примиряющее начало, будто бы неизмѣнно присутствующее въ каждомъ великомъ произведеніи, есть лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно есть и въ «Чайкѣ» и вносится самымъ процессомъ вдохновеннаго, искреннаго творчества. Все остальное, выводимое изъ самаго развитія сюжета, — лишь выдумка, присказка собственнаго сочиненія комментатора.

За этия оговорки я смѣю могу сказать, что въ пьесѣ Чехова нѣтъ ничего неяснаго или туманнаго, ни въ отдельныхъ лицахъ, ни въ ихъ поступкахъ, ни во всемъ теченіи «пиприги», которая здѣсь играетъ наименьшую роль, если только не требовать отъ психики чеховскихъ героевъ элементарности. Ни тумана, ни тѣмъ меньше декадентства. И только потому, что такъ всѣ эти персонажи понятны, и такая въ нихъ глубокая правда, — они такъ захватываютъ зрителя. Это его братья, друзья, знакомые, это онъ самъ. И мучительно больно ему отъ этого сходства, и радъ онъ ему. «Чайку» писалъ вѣрный и высоко-талантливый ученикъ Тургенева и Достоевскаго. Великихъ реалистовъ романа, — и со струнъ ученика не сорвалось ни единого звука, который оскорбилъ бы слухъ его учителей...

Я отложу, за недостаткомъ мѣста, до другого раза бесѣду съ отдельными лицами пьесы, какъ они обрисовались въ исполненіи артистовъ «Художественнаго» театра. А пока нѣсколько словъ объ одномъ моментѣ пьесы, на который особенно напраются обвиняющіе Чехова въ туманности и декадентствѣ. Декадентскаго пошиба лишь та пьеса — монологъ Треплева, которую декламируетъ Зарѣчная. Но, вѣдь, тутъ вы плохо понимаете уже не Чехова, а Треплева; декадентствуетъ не авторъ «Чайки», но лишь авторъ «Міровой души». Я не согласенъ съ тѣми, которые думаютъ, что Чеховъ даже зло пародируетъ декадентскія произведенія и умышленно дѣлаетъ эту треплевскую пьесу какъ можно болѣе безсмысленной. Нѣтъ, въ пьесѣ есть свой смыслъ, хотя и подернутый дымкой, главное — есть очень большое настроеніе, какъ-бы это сказать! — настроеніе очень острое. И зритель, выйдя съ докладомъ, долженъ признать, что въ ея

авторѣ что-то есть. Это не тупица, не бездарность, это талантъ, хотя и больной, силѣнщійся выбиться наружу, изнемогающій въ поискахъ чего-то новаго, что ему самому неясно, и впадающій въ ложь.

Во всякомъ случаѣ, тутъ приходится судить лишь Треплева, не Чехова. И онъ только вѣренъ правдѣ, когда заставляетъ треплевское творчество втягиваться въ декадентскую колею. Написанъ и поставъ Треплевъ, болѣзненный, надломленный, въ которомъ все колеблется, — пьесу просто плохую, шаблонную, бездарную, — его образъ много проигралъ-бы въ интересѣ и яркости. Треплевъ, какинъ его задумалъ и нарисовалъ Чеховъ, долженъ быть удариться только въ декадентство и написать именно нѣчто вроде этой «Міровой души», въ которой одинаково отразились и его личная безысходная тоска несогрѣтаго одиночества, и его болѣзненность (можетъ быть — отъ слишкомъ шибкой жизни матери-актрисы), и потемки его несознаннаго дарованія, какого-то прехчувствія таланта. Одинъ изъ героевъ «Чайки» характеризуетъ, какъ человѣкъ, «который хотѣлъ». Треплевъ — изъ той-же, въ сущности, породы, а что, какъ не страшное отсутствіе пропорціи между «хотѣть и мочь» толкнуло психическую,

не шарлатаниствующую литературную молодежь на уродливый путь декадентства и символизма? «Чайка» дала попутно блестящій и глубокий комментарий въ одному изъ теченій въ новейшемъ искусствѣ.

—Ф—

<Н.Э. Заррор>

с.3

СОБСТВЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Петербург 20 декабря

Пока что идутъ празднества по случаю столетія военна-медицинской академии.

/.../ Опера Бородина привела французовъ въ особенности въ восхищеніе /.../.

Жаль, что никто изъ профессоровъ академии не сочинилъ балета. И драмы тоже, кажется, нетъ, хотя между воспитанниками драматурги имеются, да вотъ хотя бы А.П. Чеховъ. Полный кругоборотъ культуры въ недрахъ академии...

х х

х

/.../

Квидам
/А.Р. Кугель/